

БОРИС СЛУЦКИЙ

Время

Борис Слуцкий

БОРИС СЛУЦКИЙ

Время

С Т И Х И

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1959

ПРОЕЗДОМ НА ФРОНТ

Я взял свою записную,
Где были сотни фамилий,
И стал набирать знакомых
От «А», по порядку, до «Я».
Ошую и десную
Пожарища густо дымили.
Под звоны стекол оконных
Сражалась столица моя.

Я раз послушал — долгие.
Другой послушал — долгие.
Раз двести я слышал долгие,
Звони — не звони, гудки.
Гудели унылые вестники:
Уехали ваши ровесники,
Мобилизованы сверстники,
Пошли добровольно годки.

Потом я погнал машину
В объезд далеких кварталов,
Где телефонов не было,
Куда дозвониться не смог.
Звонок. Незнакомый мужчина
Мне отвечает устало:
«Пешком! Вагонов не дали».
И снова звонок, звонок.

Звонок!

И гудят с Арбата
Старинные гулы набата.
Колокола с колоколен,
Давно сокрушенных,
гудят.
Ну что ж! Прощайте, ребята.
Прощайте, друзья по школе.
Мы вместе росли когда-то
И вот доросли до солдат.

* * *

Ко мне на койку сел сержант-казак
И так сказал:

«Ты понимаешь в глобусе?»

И что-то вроде боли или робости
Мелькнуло в древних, каменных глазах.

Я понимал.

И вот сидим вдвоем

И крутим, вертим шар земной
до одури,

И где-то под Берлином
и на Одере

Последний бой противнику даем.

Вчерашней сводкой

Киев сдан врагам,

И Харьков сдан сегодняшнею сводкой

И гитлеровцы бьют прямой наводкой

По небским и московским берегам.

Но будущее — в корпусе «один»,

Где целый день — у глобуса собрание,
Где раненые
И тяжело раненные
Планируют сраженья за Берлин.

ХЛЕБ

Ня тучки. С утра — погода.
И, значит, снова тревоги.
Октябрь 41-го года.
Неспешно плывем по Волге.
Раненые, больные,
Едущие на поправку,
Кроме того, запасные,
Едущие на формировку.
Я вместе с ними еду,
Имею рану и справку,
Талоны на три обеда,
Мешок, а в мешке — литровку.
Радио — черное блюдце —
Тоскливо рычит несчастья:
Опять города сдаются,
Опять отступают части.
Кровью бинты промокли.
Глотку сжимает ворот.

Стихли все мы, примолкли.
Но — подплывает город:
Улицы ветром продуты,
Рельсы звенят под трамваем, —
Здесь погрузим продукты.
Вот к горе подплываем.
Гора печеного хлеба
Вздымала рыжие ребра,
Тянула вершину к небу,
Глядела разумно, добро,
Глядела достойно, мудро,
Как будто на все отвечала.
И хмурое, зябкое утро
Тихонько ее освещало.
К ней подъезжали танки,
К ней подходила пехота,
И погружали буханки.
Целые пароходы
Брали с собой, бывало.
Гора же — не убывала.
И снова высила к небу
Свои пеклеванные ребра,
Без жадности и без гнева.
Спокойно. Разумно. Добро.

Не быть стране под врагами,
А быть ей доброй и вольной,
Покуда пшеница с нами,
Покуда хлеба довольно,

Пока, от себя отрывая
Последние меры хлеба,
Бабы пекут караван
И громоздят их до неба!

ДЕКАБРЬ 41-ГО ГОДА

Памяти М. Кульчицкого

Та линия, которую мы гнули,
Дорога, по которой юность шла,
Была прямою от стиха до пули —
Кратчайшим расстоянием была.
Недаром за полгода до начала
Войны

мы написали по стиху
На смерть друг друга.

Это означало,

Что знали мы.

И вот — земля в пуху,
Морозы лужи накрепко стеклят,
Трещат, искрятся, как в печи поленья:
Настали дни проверки исполненья,
Проверки исполненья наших клятв.

Не ждите льгот, в спасение не верьте:
Стучит судьба, как молотком бочар,
И Ленин учит нас презренью к смерти,
Как прежде воле к жизни обучал.

ВОЕННЫЙ РАССВЕТ

Тяжелые капли сидят на траве,
Как птицы на проволоке сидят:
Рядышком,

голова к голове.

Если крикнуть —

они взлетят.

Малые солнца купаются в них:

В каждой капле —

свой личный свет.

Мне кажется, я разобрался, вник.

Что это значит РАССВЕТ.

Это пронзительно, как засов,

Скрипит на ветру лоза,

Но птичьих не слышится голосов —

Примолкли все голоса.

Это солдаты усталые спят,

Крича сквозь сон

невест имена.

Но уже едет кормить солдат

Заспанный старшина.

Рассвет.

Два с половиной часа
Мира. И — нет войны.
И каплет медленная роса —
Слезы из глаз тишины.
Рассвет. По высям облачных гор
Лезет солнце,
все в рыжих лучах,
Тихое,
как усталый сапер,
С тяжким грузом огня
на плечах.

Рассвет. И видит во сне сержант:
Гитлер! Вот он, к стене прижат!
Залп. Гитлер падает у стены.
Утром самые сладкие сны.
Рассвет — это значит:
раз — свет!

Два — свет!

Три — свет!
Во имя света для всей земли
По темноте — пли!
Солнце!

Всеми лучами грянь!
Ветер!
Суши росу!
Ах, какая бывает рань
В прифронтовом лесу!

СОН

Утро брезжит,
а дождик брызжет.
Я лежу на вокзале
в углу.
Я еще молодой и рыжий —
Мне легко
на твердом полу.

Еще волосы не поседели
И товарищей милых
ряды
Не стеснились, не поредели
От победы
и от беды.

Засыпаю, а это значит:
Засыпает меня, как песок,
Сон, который вчера был начат,
Но остался большой кусок.

Вот я вижу себя в каптерке,
А над ней снаряды снуют.
Гимнастерки. Да, гимнастерки!
Выдают нам. Да, выдают!

Деятнадцатый год рожденья
(Двадцать два в 41-м году)
Принимаю без возраженья,
Как планиду и как звезду.

Выхожу двадцатидвухлетний
И совсем некрасивый собой
В свой решительный, и последний,
И предсказанный песней бой.

И товарищ Ленин мне снится:
С пьедестала он сходит в тиши
И, протягивая десницу,
Пожимает мою от души.

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.

Лежим

безмолвно и дерзновенно,

Мрем с голодухи

в кельнской яме.

Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.

Раз в день

на площадь

выводят лошадь,

Выводят,

сталкивают с обрыва.

Вот она свергается в яму,

Вот ее делим на доли

неравно,

Вот по конине молотим зубами, —

О бюргеры Кельна,
да будем вам срамно!

О граждане Кельна, как же так!
Вы трезвые, честные, где же вы были,
Когда зеленее, чем медный пятак,
Мы в кельнской яме
с голоду выли?

Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке
отвесной,
Короткую надпись над нашей могилой —
Письмо
солдату Страны советской.

«Товарищ боец, остановись над нами,
Над нами, над нами, над белыми костями!
Нас было семьдесят тысяч пленных,
Мы пали за Родину в кельнской яме!

Когда в подлецы вербовать нас хотели,
Когда нам о хлебе кричали с оврага,
Когда патефоны о женщинах пели,
Партийцы шептали: «Ни шагу, ни шагу!».

Читайте надпись над нашей могилой!
Да будем достойны посмертной славы!
А если кто больше терпеть не в силах —
Партком разрешает самоубийство
слабым.

О вы, кто наши души живые
Хотели купить за похлебку с кашей,
Смотрите, как, мясо с ладони выев,
Кончают жизнь товарищи наши!

Землю роем,
 скребем ногтями,
Стонем стонем
 в кельнской яме,
Но все остается — как было! как было! —
Каша с вами, а души с нами.

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

Лошади умеют плавать.
Но — нехорошо. Недалеко.

«Глория» — по-русски значит «слава».
Это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан старался превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь

Тыща лошадей — подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далекó-далёко от земли.

Люди — сели в лодки. В шлюпки —
влезли.

Лошади — поплыли просто так.

Как же быть и что же делать, если
Нету мест на лодках и плотах?

Плыл по океану рыжий остров.
В море, в синем, остров плыл гнедой

И сперва казалось — плавать просто.
Океан казался им рекой.

Только нет у этой речки края.
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и все, а все-таки мне жаль их —
Рыжих, не увидевших земли.

КАЗНЬ

На всех тропинках — пешие,
На всех дорогах — конные:
Там коменданта вешают —
Мучителя районного.
Вчера он, идол черный,
Был здесь и царь и бог,
А нынче его вздернут
За то, что села жег.

С особенной охотой,
С неслышанным старанием
Три плотника работают,
Чтобы поспеть с заданием.
И сколотили за ночь
Дубовый агрегат.
— Мол, просим, Карл Иваныч,
Взвивайся — рад не рад.

Белее снега свежего,
Того, что за ночь высыпал,

Впервые в жизни вежливый
Над «ЗИСом» немец висится.
Под ним — машины днище,
Над ним — петля висит.
Стоит. Глазами рыщет,
А слов не говорит.
Страницу приговора,
Торжественного, мощного,
Судья прочтет не скоро
Среди молчанья общего.
Махнет рукой сержанту:
— Включай мотор, сержант.
И, жесткой петлей сжатый,
Повиснет комендант.

Г О В О Р И Т К О М И С С А Р П О Л К А

Тебя поставили политруком
Не для того, чтоб проводить парады,
А для того, чтоб русским языком
Ты объяснял своим солдатам правду.

Ты эту правду вычитал из книг,
Но эти книги правильные были,
И ты толково разобрался в них
И отличаешь ерунду от были.

Высокой мерой человека мерьте —
Ее солдаты выдержат вполне.
Скажите им о жизни, и о смерти,
О Родине, о мире, о войне.

Без дела голоса не повышайте —
Солдаты все запомнят и учтут.
Курить газеты? Можно. Разрешайте,
Но только те, которые прочтут.

Почаще брейтесь. Думайте про танки
И помните, что политаппарат
Не подымает рядовых в атаки,
Но если врылись в землю и лежат —
Вставайте, выбегайте из окопа,
И ежели поверил вам народ —
Так он пройдет за вами пол-Европы
И дальше,
 если скажете,
 пойдет!

* * *

Я говорил от имени России,
Ее уполномочен правотой,
Чтоб излагать с достойной полнотою
Ее приказов формулы простые.
Я был политраб­отником. Три года:
Сорок второй и два еще потом.

Политра­бота — трудная работа.
Работали ее таким путем:
Стою перед шеренгами неплотными,
Рассеянными час назад
в бою,
Перед голодными,
перед холодными.
Голодный и холодный —
так!
Стою.

Им хлеб не выдан,
им патрон недо­дано,
Который день поспать им не дают.

И я напоминаю им про Родину.
Молчат. Поют. И в новый бой идут.

Все то, что в письмах им писали из дому,
Все то, что в песнях с их судьбой сплелось,
Все это снова, заново и сызнова,
Коротким словом — Родина — звалось.

Я этот день,
Воспоминанье это,
Как справку собираюсь предъявить
Затем,
 чтоб в новой должности — поэта
От имени России
 говорить.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ПЯТЫЙ

ИТАЛЬЯНЕЦ

В конце войны
 в селе Кулагино
Разведчики гвардейской армии
Освободили из концлагеря
Чернявого, больного парня.
Была весна и наступление.

Израженный и обмороженный,
До полного выздоровления
В походный госпиталь положенный,
Он отлежался, откормился,
С врачами за руку простился,
И началось его хождение
(Как это далее изложено).

И началось его скитание.
В Рим!
 Из четвертого барака.

Гласила: «Следует в Италию»
Им
предъявляемая справка

Через двенадцать язык,
Четырнадцать держав
Пошел он,
эту справку сжав,
К своей груди
прижав.

Из бдительности
ежедневно
Его подробнейше допрашивали.
Из сердобольности
душевной
Попробовать борща
упрашивали.
Он шел и шел за наступлением
И ждал без всякого волнения
Допроса,
а затем обеда, —
Справку
загодя
показывая.

До самой итальянской родины
Дорога минами испорчена.
За каждый шаг,
им к дому пройденный,

Сполна
солдатской кровью
плочено.

Он шел по танковому следу,
Прикрыт броней,
без остановки.

Шел от допроса до обеда
И от обеда до ночевки.

Чернявый,
маленький,
хорошенький,
Весь, как воробушек,
взъерошенный,

Приятный,
вежливый,
старательный,

К любой работе очень тщательный —
Колол дрова для поваров,
Толкал машины — будь здоров!
И плакал горькими слезами,
Закапывая мертвецов.

Ты помнишь их глаза
усталые,

Пустые,
как пустые комнаты?

Тех глаз не забывай
в Италии!

Ту простоту простую
помни ты!

Ты,
проработавший уставы
Сельхозартели и военные,
Прослушавший на всех заставах
Политбеседы откровенные,
Твердивший буквы вечерами,
Читавший сводки с шоферами,
Ты,
овладевший политграммой
Раньше итальянской грамоты!
— Мы требуем немного —
памяти.

Пускай запомнят итальянцы,
И чтоб французы не забыли,
Как умирали новобранцы,
Как ветеранов хоронили,
Пока по танковому следу
Они пришли в свою победу.

О ПОГОДЕ

1

Я помню парады природы
И хмурые будни ее,
Закаты альпийской породы,
Зимы задунайской нытье.

Мне было отпущено вдоволь —
От силы и невпроворот —
Дождя монотонности вдовьей
И радуги пестрых ворот.

Но я ничего не запомнил,
А то, что запомнил, — забыл,
А что не забыл — то не понял:
Пейзажи солдат заслонил.

Шагали солдаты по свету —
Истертые ноги в крови.

Вот это,
единственно это
Внимательной стоит любви.

Готов отказаться от парков
И в лучших садах не бывать,
Лишь только б не жарко, не парко,
Не зябко солдатам шагать.

Солдатская наша порода
Здесь как на ладони видна:
Солдату нужна не природа,
Солдату погода нужна.

2

Когда не бываешь по году
В насиженных гнездышках комнат,
Тогда забываешь погоду,
Покуда сама не напомнит,
Покуда за горло не словит
Железною лапой бурана,
Покуда морозом не сломит,
Покуда жарю не ранит.

Но май сорок пятого года
Я помню поденно, почасно,
Природу его, и погоду,
И общее гордое счастье.

Вставал я за час до рассвета,
Отпиливал полкаравая
И долго шатался по свету,
Глаза широко раскрывая.

Трава полусотни названий
Скрипела под сапогами.
Шли птичьи голосованья,
Но я разбирался в том гаме.
Пушистые белые льдинки
Торжественно по небу плыли.
И было мне странно и дико,
Что люди все это — забыли.

И тополя гулкая лира
И белые льдинки — все это
Входило в условия мира
И было частицей победы.
Как славно, что кончилась в мае
Вторая война мировая.
Весною все лучше и краше.

А лучше бы кончилась раньше.

ШАПКА

Шапка-ушанка.

Бывшая в употреблении.
Бурый от употребления
серый
искусственный мех!
Задыхающийся от волнения,
Под целого отделения смех.
Ее тянет к себе партизанский «братушка».

Он дает взамен трофейную пушку,
Он дает часы и цепь в придачу,
Он дал бы дом и дал бы дачу
(Зачем ему дача,
когда война?) —

Ему красноармейская
шапка
нужна!

— А зачем
вам
шапки русские?

— Мы
их
поднимаем над бруствером.
Чуть.
Чтоб выглядывали из травы.
Пусть немцы думают,
что мы —
это вы!

* * *

Таким я видел Будапешт: весна
Впервые без жандармов.

Майский праздник.

Среди колонн — веселых, пестрых, разных —
Особенно запомнилась одна.

Шли старики рабочего предместья,
Поколение воспоминаний шло,
Текстильщиков и металлистов вместе
За сбереженным знаменем влекло.

Старухи из химических цехов,
В заветных белых подвенечных платьях,
Шли тоже,
 рассыпая из рядов
Благословенья, лозунги, проклятья.

Тесня к стене Больших Бульваров публику,
Колонной — от угла и до угла —

Венгерская Советская Республика —
Убитая —

нет, выжившая! —

шла.

О Запад девятнадцатого года,
Всемирного пожара головня!
Я вижу сбереженную народом
Живую искру нашего огня.

Гори же вновь! Пожаром пламеней —
Сегодня подходящая погода:
Партийцы девятнадцатого года
Опять идут по Венгрии своей!

КОГДА МЫ ПРИШЛИ В ЕВРОПУ

1

Когда мы пришли в Европу,
Нам были чудны и странны
Короткие расстоянья,
Уютные малые страны.
Державу проедешь за день!
Пешком пройдешь за неделю!
А мы привыкли к другому
И всё глядели, глядели...
Не полки, а кресла в вагонах,
Не спали здесь, а сидели.
А мы привыкли к другому
И всё глядели, глядели...
И вспомнить нам было странно
Таежные гулкие реки,
Похожие на океаны,
И путь из варягов в греки.
И как далекó-далёко
От Львова до Владивостока,
И мы входили в Европу,

Как море
 в каналы вступает.
И заливали окопы,
А враг — бежит,
 отступает.
И негде ему укрыться
И некогда остановиться.

2

Русские имена у греков,
Русские фамилии у болгар.
В тени платанов, в тени орехов
Нас охранял, нам помогал
Общий для островов Курильских
И для Эгейских островов
Четко написанный на кириллице
Дымно-багровый, цвета костров,
Давний-давний, древний-древний,
Пахнущий деревом, деревней,
Православной олифой икон —
Нашей общности старый закон.
Скажем, шофер въезжает в Софию,
Проехав тысячу заграниц.
Сразу его обступает стихия:
С вывесок, с газетных страниц,
В возгласах любого прохожего,
Стихия родного, очень похожего,
Точнее, двоюродного языка.
И даль уже не так далека,

И хочется замешаться в толпу
И каждому, словно личному другу,
Даже буржую, даже попу,
Долго и смачно трясти руку.
Но справа и слева заводы гудят,
Напоминая снова и снова
Про русское слово «пролетариат»,
Про коммунизм (тоже русское слово).
И классовой битвы крутые законы
Становятся сразу намного ясней:
Рабочего братства юные корни
Крепче братства словесных корней.

3

О если б они провидели,
О если бы знать могли,
Властители и правители,
Хозяева этой земли!
Они бы роздали золото,
Пожертвовали серебром
И выписались из богатых —
Сами ушли бы, добром.
Но слышащие — не слышали,
Но зрячие — не глядят,
Покуда их не повышибли
Из каменных их палат.

И вот умирают классы,
Как на ветру — свеча,

И трубные радиогласы
Гласят про смерть богача.
И режут быков румынских
Румынские кулаки,
И талеров полные миски
Закапывают у реки.

А я гляжу, на Балканах,
Как тащит сердитый народ
За шиворот, словно пьяных,
Кумиры былых господ.
Сперва на них петлю набрасывают,
Потом их влачат трактора,
Потом их в канавы сбрасывают
Под общие крики «Ура!».

О если б они провидели,
О если бы знать могли,
Властители и правители,
Князья, цари, короли!
Они бы из статуй медных
Наделали б медных котлов
И каши сварили для бедных —
Мол, ешьте без лишних слов.

Но слышащие — не слышали,
Но зрячие — не глядят,
Покуда их не повышибли
Из каменных их палат...

КРЫЛЬЯ

Солдатская гимнастерка зеленовата цветом.
В пехоте она буреет, бурее корки на хлебе.
Но если ее стирают зимою, весною и летом —
После двухсотой стирки она бела как лебедь.

Не белые лебеди плещут
Студеной метелью крыльев —
Девчонки из роты связи
Прогнали из замка графа.
Они размещают вещи.
Они все окна открыли.
Они не потерпят грязи.
Они метут из-под шкафа.

Армейских наших девчонок
В советских школах учили.
Плевать им на графский титул.
Знакомо им это слово.
Они ненавидят графов.
Они презирают графов,

Не уважают графов,
Кроме графа Толстого.

Здесь все завоевано нами.
За все заплачено кровью.
Замки срываются с мясом.
Дубовые дверцы настезь.
Тяжелые, словно знамя,
Одежды чудного покроя,
Шурша старинным атласом,
Надела Певцова Настя.

Дамы в парадном зале,
Мечите с портретов громы.
Золушки с боем взяли
Ваши дворцы и хоромы.
— Если в корсетах ваших
На вас мы не очень похожи,
Это совсем не важно:
Мы лучше вас и моложе!

— Скидай барахло, девчонки!
— На что мы глаза раскрыли! —
И снова все в белых,
В тонких,
Раз двести стиранных крыльях.

Замки на петельках шкафа,
Темнеют на стенах графы.
Девчонки лежат на койках.
Шелков им не жаль нисколько.

ИЗ ПЛЕНА

По базару тачка ехала,
 Двухколесная и грязная.
 То ли с плачем, то со смехом ли
 Люди всякие и разные
 На нее смотрели пристально,
 Шей с любопытством выставя,
 А потом крестились истово
 Или гневались неистово:

Мальчики мал-мала меньше
 В тачке той лежат
 притихшие.

А толкает тачку женщина,
 Этих трех мужчин родившая.
 По кривой базарной улице
 Поступью проходит твердою.
 Не стыдится, не сутулится,
 А серьезная и гордая.

Мы, фашизма победители,
 Десять стран освобождавшие,

Эту бабу не обидели,
Тачку мимо нас толкавшую.
Мы поздравили с победою
Эту женщину суровую
И собрали ей как следует —
Сухарями и целковыми.

КНИГА ОТЗЫВОВ

Еще война на западе страны,
Еще не все вопросы решены.

На выставке в Советском павильоне
Идет голосованье двух систем.
Пока еще

оно доступно всем:

Пиши что хошь, в каком угодно тоне.

Здесь каждый зван,
здесь приглашен любой,
Здесь, словно в старой шиллеровской
драме,

Поочередно
Коварство и Любовь

Свой текст горланят
в уши залу прямо.

Еще на западе страны война,
Еще народ не принял всех решений,

Еще в разгаре уличных сражений
Не каждое окно за нас!

Вот батраки, собрав по пятаку,
На выставку товарища прислали.
В России графов-то давно прогнали,
Не время ли подняться батраку?

Мужичью роспись
 кроет росчерк —
 «граф»,

На полстраницы титулом дымится.
Дворяне где? Ответствуйте, убийцы!
Вы правите, права дворян поправ!

Как входят в бой,
 вхожу я в книгу ту,
В военно-полевую простоту
Ее оценок и определений,
Ее проклятий и благословений.

Нужны ли доказательства, когда
Простое чувство хриплым дыхом дышит?
Здесь пишут просто так:
 «Советам — да!»

И просто так:
 «Советам — нет!» —
 здесь пишут.

Еще война на западе страны.
Еще не все вопросы решены.

РАННЕЕ УТРО

В углу харчевни спали три танкиста,
Храпели рядом три веселых друга.
Хозяева им постелили чисто.

Сняв гимнастерки
и раскинув руки,

Во сне солдаты мирно улыбались.
А на стене три тени колебались —
Лампады.

Выше — хмурые иконы
Гадали про порядки и законы,
Что нынче ночью въехали на танке
В забытую румынскую деревню.
А за окном выл ветер,
и деревья

Шумели, словно девки на гулянке.
Кусать военных, видно, не решались
Трусливые и вежливые мухи.
Они то над хозяином кружились,
То над седыми космами старухи,

Готовившей яичницу
приедем
И плакавшей,
слезы не вытирая.
А за окном рассвет тихонько брезжил,
Но это не мешало ветеранам.
Они глаза на сто замков закрыли —
В гостях у тещи так они не спали!
А тени, трепыхаясь,
словно крылья,
Их словно возносили,
поднимали.

Еще я двор харчевни той
запомнил.
Окрестный люд его давно заполнил:
За сорок верст шли мужики.
И бабы
Румынские.
Шли с мужиками вместе,
Чтобы взглянуть одним глазком хотя бы,
Чтобы спросить
насчет земли и мести.
Заплатанные, нищие, босые,
Голодные послы со всей округи
Пришли просить о помощи Россию,
Пришли пожать Стране Советов руки.
А солнце шло по танковому следу
И гусеницей тучи попирало,

Как будто для свободы и победы
Его сковали

где-то за Уралом.

С востока — так же, как обыкновенно, —

Всходило солнце,

медленно и верно.

ПАМЯТНИК

Дивизия лезла на гребень горы
По мерзлому,
 мертвому,
 мокрому
 камню,

Но вышло,
 что та высота высока мне.
И пал я тогда. И затих до поры.

Солдаты сыскали мой прах по весне,
Сказали, что снова я Родине нужен,
Что славное дело,
 почетная служба,
Большая задача поручена мне.

— Да я уже с пылью подножной смешался!
Да я уж травой придорожной пророс!
— Вставай, поднимайся!
 Я встал и поднялся.

И скульптор размеры на камень нанес.

Гримасу лица, искаженного криком,
Расправил, разгладил резцом ножевым.
Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,
а был я живым.

Расту из хребта,
как вершина хребта.
И выше вершин
над землей вырастаю,
И ниже меня остается крутая
не взятая мною в бою
высота.

Здесь скалы
от имени камня стоят.

Здесь сокол
от имени неба летает.

Но выше поставлен пехотный солдат,
Который Советский Союз представляет.

От имени Родины здесь я стою
И кутаю тучей ушанку свою!
Отсюда мне ясные дали видны —
Просторы
освобожденной страны,
Где графские земли
вручал
батракам я,

Где тюрьмы раскрыл,
 где голодных кормил,
Где в скалах не сыщется
 малого камня,
Которого б кровью своей не кропил.

Стою над землей
 как пример и маяк.

И в этом
 посмертная
 служба
 моя.

* * *

Толпа на Театральной площади.
Вокруг столичный люд шумит.
Над ней четыре мощных лошади,
Пред ней экскурсовод стоит.

У Белорусского и Курского
Смотреть Москву за пять рублей
Их собирали на экскурсию,
Командировочных людей.

Я вижу пиджаки стандартные —
Фасон двуборт и одноборт,
Косоворотки аккуратные,
Косынки самый первый сорт.

Закутавшись в одежи средние,
Глядят на бронзу и гранит —
То
с горделивым удивлением
Россия на себя глядит.

Она копила, сэкономила,
Она вприглядку чай пила,
Чтоб выросли заводы новые,
Громады стали и стекла.

И нету робости и зависти
Меж этой родиной и той,
И та Россия этой нравится
Своей высокой красотой.

Задрав башку и тщетно сяясь
Запомнить каждый новый вид,
Стоит хозяин и кормилец,
На дело рук своих
 .глядит.

ЗАСУХА

Лето 46-го года.
Месяц — вёдро. Жара. Погода.
Я в армейской больнице лежу
И на желтые листья гляжу.
Листья желтые, листья палые
Ранним летом сулят беду.
По палате,
 словно по палубе,
Я, пошатываясь, бреду.
Душно мне.
Тошно мне.
Жарко мне.
Рань, рассвет, а такая жара!
За спиною — шлепанцев шарканье:
У окна — вся палата
 с утра.
Вся палата, вся больница,
Неумыта, нага, боса,
Под окном с рассвета толпится —
Молча смотрит на небеса.

Вся палата, вся больница,
Вся моя большая земля
За свои посевы боится
И жалеет свои поля.
А жара все жарче.
Нет мочи.
Раскаляется листьев медь.
Словно в танке танкисты — молча
Принимают колосья смерть.
Реки,
 Гитлеру путь преграждавшие,
Обнажают песчаное дно.
Камыши,
 партизан укрывавшие,
Пропадают
 с водой заодно.

...Кавалеры ордена «Слава»,
Украшающего халат,
На жару не находят управы
И такие слова говорят:
«Эта самая подлая засуха
Не сильнее,
 не могучей
 нас,
Сапоги вытиравших насухо
О знамена врагов
 не раз.
Листья желтые, листья палые,
Не засыпать вам нашей земли!

И подалее отступали мы —
А глядишь, до Берлина дошли!»

Так, волнуясь и угрожая,
Мы за утренней пайкой идем,
Прошлогоднего урожая
Караван

 в руки берем.
Режем, гладим, трогаем, пробуем
Черный хлеб,
 милый хлеб
 с полчасца

И обратно той же дорогою,
Чтобы снова глядеть в небеса.

Д О М А I

День возвращения в Москву
Передо мной как наяву.

Пять лет как здесь я не бывал,
В пяти державах был,
Всё этот день я добывал,
Покуда не добыл.

...Воспоминания томят,
Надеждами парят.
Но вот я вижу автомат —
Обычный аппарат.
Пятиалтынный сунул в щель,
Снял трубку и крутнул,
И дальний друг, немой досель,
Заговорил, прильнул.

Не отхожу от колеса,
Где десять круглых дыр,

Чтоб только слышать голоса,
Чтобы за миром мир
Передо мною представал,
И говорил и пел,
Чтоб вновь я деньги доставал
И колесом скрипел.

Не отхожу от колеса —
Вези, вези меня
В события и в чудеса...
Нет, не забуду дня,
Когда я дверцу отворил,
И вещмешок швырнул,
И к диску мертвому
прильнул,
И он — заговорил.

БЕЗ ЧЕТВЕРТИ ДЕВЯТЬ УТРА

От Кировской и до Арбата
Москва спешила на работу,
А от Арбата до окраин
Уже работала Москва.
Скрипели перьями ребята.
Завод распахивал ворота.
И труд

спокойно,

как хозяин,

Входил,

вступал в свои права.

Все восемь миллионов щеток
Зубных

и восемь — платяных

(А если я наврал в расчетах —
Прошу не осудить за них!)
Уже сработали. Отмыли,
Отчистили и отскребли,

И москвичи на службу шли
И папиросами дымили.

Ты, утро,

с головою свежей

Скорей на гвоздик табель вешай,
Скорей спецовку надевай!

Ты слышишь:

весь огромный город,

Как грузчик,

расстегнувший ворот,

Басит:

Давай!

Давай!

Давай!

Давай побольше солнца в окна,
И дождик,

чтобы пыль размокла,

И ветерок давай — берем!

Ты слышишь крик: «Подъем, подъем!»

Вставай же, утро,

поднимайся!

И на работу

собирайся,

И на погоду

не ссылайся.

Такой закон у здешних мест:

Кто не работает — не ест.

ПАМЯТЬ

Я носил ордена.
После — планки носил.
После — просто следы этих планок носил.
А потом гимнастерку до дыр износил
И надел заурядный пиджак.
А вдова Ковалева все помнит о нем,
И дорожки от слез — это память о нем —
Столько лет не забудет никак.

И не надо ходить. И нельзя не пойти.
Я иду. Покупаю букет по пути.

Ковалева Мария Петровна, вдова,
Говорит мне у входа слова.
Ковалевой Марии Петровне в ответ
Говорю на пороге: «Привет!»
Я сажусь неизменно к портрету спиной,
Но бесменно висит надо мной
Муж Марии Петровны,
Мой друг Ковалев,
Не убитый еще, жив-здоров.

В глянцевитый стакан наливается чай,
А потом выпивается чай. Невзначай.
Я сижу за столом,
Я в глаза ей смотрю,
Я пристойно шучу и острою.
Я советы толково и веско даю —
У двух глаз,
У двух бездн на краю.
И, утешив Марию Петровну как мог,
Ухожу за порог.

ГЛУХОЙ

В моей квартире живет глухой —
Четыре процента слуха.
Весь шум — и хороший шум
и плохой —
Не лезет в тугое ухо.

Весь шепот мира,
весь шорох мира,
Весь плеск,
и стон,
и шелест мира —
Все то, что слышит наша квартира,
Не слышит глухой из нашей квартиры.

Но раз в неделю,
в субботний вечер,
Сосед включает радиоящик
И слушает музыку,
слушает речи,
Как будто слух у него настоящий.

Он так поворачивает регулятор,
Что шорох мира становится
громом,
Понятен и ясен — хоть малым ребятам,
Как почерк вывесок,
прям и огромен.

В двенадцать часов,
как всегда аккуратны,
На Красной площади бьют куранты.
Потом тишина прерывается гимном.
И гимн гроыхает,
как в маршевой роте.
Как будто нам вновь
победить иль погибнуть
Под эти же звуки
на Западном фронте.

...А он к приемнику привалился,
И слышно, слышно, слышно соседу
То, чего он достиг, добился, —
Трубный голос нашей победы.

Он слово ее разумеет,
слышит,
Музыку он, глухой, понимает,
И в комнате
словно ветром колышет —
Родина
крылья свои поднимает.

МАЛЬЧИШКИ

Все спали в доме отдыха
Весь день — с утра до вечера.
По той простой причине,
Что делать было нечего.
За всю войну — впервые,
За детство — в первый раз
Им делать было нечего:
Спи
хоть день, хоть час!

Все спали в доме отдыха
Ремесленных училищ.
Все спали и не встали бы,
Чего бы ни случилось.
Они войну закончили
Победой над врагом —
Мальчишки из училища,
Фуражки с козырьком.

Мальчишки в форме ношеной,
Шестого срока — минимум.
Они из всей истории
Учили подвиг Минина
И отдали Отечеству
Не злато-серебро,
Единственное детство —
Все свое добро.

На длинных подоконниках
Цветут цветы бумажные.
По выбеленным комнатам
Проходят сестры важные.
Идут неслышной поступью,
Торжественно молчат —

Смежив глаза суровые,
Здесь
 рядом
 дети спят.

РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

Завьяловский хор стариков
Поет на эстраде фабричной.
Как этот напев мне знаком —
Старинный, бывалый, привычный.

Негромко поют старики
Слабеющими голосами.
Топорщатся их пиджаки,
И слышится в песне:

мы — сами,
Мы сами сложили слова,

Мы сами

мотив подобрали,
Мы с этой же песней

для вас
Россию у бар отобрали.

Негромко поют старики.
Устали, должно быть, старухи,

И песни то слишком резки,
То словно бы слабы и глухи.

Они за рабочий народ
Полвека уже выступают —
Поют, говорят, убеждают.
Устали? Ну что же!

И вот
Весь зал в эту песню вступает.

Мы, как по сигналу,
встаем
И старую песню поем.

* * *

Я не любил стола и лампы
В квартире утлой, словно лодка,
И тишины, бесшумной лапой
Хватающей стихи за глотку.
Москва меня не отвлекала —
Мне даже нравилось, что гулки
Ее кривые, как лекало,
Изогнутые переулки.
Мне нравилось, что слоem шума
Ее покрыло, словно шубой,
Многоголосым гамом ГУМа,
Трамваев трескотнею грубой.
Я привыкал довольно скоро
К ушам, немного оглушенным,
К повышенному тону спора
И глоткам,
 словно бы луженым.
Мне громкость нравилась и резкость —
Не ломкость слышалась, а крепость
За голосами молодыми,

Охрипшими в табачном дыме.
Гудков фабричных перегуды,
Звонков вокзальных перезвоны,
Громов июньских перегромы
В начале летнего сезона —
Все это надо слушать, слушать,
Рассматривать, не уставая.
И вот
 развешиваю уши,
Глаза пошире раскрываю
И, любопытный,
 словно в детстве,
Спешу с горячей головою
Наслушаться и наглядеться,
Нарадоваться Москвою.

В ДОМЕ ОТДЫХА ПИЩЕВИКОВ

В доме отдыха пищевиков

Я живу

почти как в отчем доме:

Шашками, забавой стариков,

Забавляюсь,

сна и чтенья кроме.

В первый день мы спали целый день.

День второй мы тоже больше спали.

Третий день вставать нам было лень —

К завтраку мы даже не вставали.

Хорошо здесь! Очень хорошо.

Тихо здесь! Тише не бывает.

Новый шлях,

болото пробивая,

Наш лесок

сторонкой обошел.

...Вот к столу идут пищевики,
Разговаривают с пищевиками,
Хлеба сероватые куски
Трогают тяжелыми руками.

Пять минут осталось до обеда,
А к обеду очень всем нужны
Белый хлеб — веселый хлеб победы,
Черный хлеб — жестокий хлеб войны.
Все пиры, что пировал народ,
Сухари

 годин его несчастья,
Всё от их безропотных щедрот,
Ко всему
 пищевики причастны.

Мир вам, люди тяжкого труда,
Мир заботам вашим
 и усильям.
Хлеб, что ваши руки замесили,
Да пребудет с вами
 навсегда.

* * *

Вот вам село обыкновенное:
Здесь каждая вторая баба
Была жена, супруга верная,
Пока не прибыло из штаба
Письмо, бумажка похоронная,
Что писарь написал вразмахку.

С тех пор
 как будто покоренная
Она
 той малою бумажкою.

Пылится платьице бордовое —
Ее обнова подвенечная,
Ах, доля бабья, дело вдовое,
Бескрайное и бесконечное!

Она войну такую выиграла!
Поставила хозяйство на ноги!

Но, как трава на солнце,
выгорело
То счастье, что не встанет наново.

Вот мальчики бегут и девочки,
Опаздывают на занятия.
О, как желает счастья деточкам
Та, что не будет больше матерью!

Вот гармонисты гомон подняли,
И на скрипучих досках клуба
Танцуют эти вдовы. По двое.
Что, глупо, скажете? Не глупо!

Их пары птицами взвиваются,
Сияют утреннею зорькою,
И только сердце разрывается
От этого веселья горького.

НА ЧЕМПИОНАТЕ ПАРАШЮТИСТОВ

Американцы крестятся размашисто
И поправляют парашют рукой,
И уплывает луг —
такой ромашистый,

Такой зеленый,
Желтенький такой.

Американцы крестятся, и молятся,
И талисманы
в зябких пальцах мнут.

А рядом ожидают комсомольцы,
Им тоже прыгать —
через пять минут.

Они не проболтаются смешком.
Им не смешно.

Им только очень весело,
Что Родина

крестов

им не навесила,

А просто

руку

жмет перед прыжком.

БАНЯ

Вы не были в районной бане
В периферийном городке?
Там шайки с профилем кабаньим
И плеск,
 как летом на реке.

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы — те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одноруких
 спины
Один другому бодро трут.
Там тело всякого мужчины
Исчеркали
 война
 и труд.

Там по рисунку каждой травмы
Читаю каждый вторник я

Ширококостную породу
Сынов моей большой земли.

Бывали вы в раю районном,
Что меж кино и стадионом?
В райбане были вы иль нет?
Там два рубля любой билет.

* * *

Когда убили Белоянниса —
В тот самый день, когда убили,
Собралися — не побоялися! —
Друзья героя на могиле.

И славным именем товарища
Назвали площадь городскую,
Где камни, стены и трава еще
О нем и помнят и тоскуют.

О том переименовании
Молчит газет лихая клика.
Но знает новое название
Народ от мала до велика.

Идут афинские автобусы,
Звенят по городу трамваи,
Исполненный античной доблести,
Кондуктор площадь называет!

Назвал, стоит и не сгибается,
Исполнен доблести безмерной.
А Белояннис улыбается
Ему
улыбкою бессмертной.

Мальчишка-гид ведет по городу
Туриста с челюстями лошади.
— Мы где? — В ответ прямое, гордое:
— На Белояннисовой площади.

Сказал — как будто гвоздь вколачивал.
И видно недругу и другу,
Как Белояннис брату младшему
Сжимает худенькую руку.

Еще над площадью мотаются
Чужие флаги злыми вихрями,
А все же площадь называется
По-нашему,
а не по-ихнему.

Она,
прекрасная и грозная,
Свободой тайною грохочет,
И знает: рано или поздно —
А будет,
как народ захочет.

СЧАСТЬЕ

Л. Мартынову

Словно луг запах
В самом центре городского быта:
Человек прошел, а на зубах
Песенка забыта.
Гляньте-ка ему вослед:
Может, пьяный, а скорее — нет.

Все решили вдруг:
Так поют после большой удачи —
Скажем, выздоровел друг,
А не просто выстроилась дача.
Так поют, когда вернулся брат,
В плен попавший десять лет назад.

Так поют,
Разойдясь с женою нелюбимой,
Ненавидимой, невыносимой,

И, сойдясь с любимой, так поют,
Со свиданья торопясь домой,
Думая: хоть час, да мой!

Так поют,
Если с плеч твоих беда свалилась.
Целый год с тобой пить-есть садилась,
А свалилась — в пять минут,
Если эта самая беда
В дверь не постучится никогда.

Шел и пел
Человек. Совсем не торопился.
Не расхвастался и не напился!
Удержался все же, утерпел.
Просто шел и пел.

У МОРЯ

Сотрясая берег от восторга —
Вышка так и ходит ходуном, —
Сто солдат скидают гимнастерки.
Сто солдат
 скидают
 сто штанов.

Белые, еще не загорелые,
Крепкие и ладные тела.
Вот и влезла в море рота целая —
И волна кругом нее пошла.

Ежели солдаты станут рядом,
Если ноги твердо в дно упрут —
Ничего не сделают с отрядом
Волны.
 Побушуют и уйдут.

Грудью встречена,
В кольцо зажата,
В рукопашной
вдрызг побеждена.
По приказу старшего сержанта,
Отступает в панике волна.

* * *

Музыка на вокзале,
Играющая для всех:
Чтоб мимоездом взяли
Плач на память
и смех.

Многим ты послужила,
Начатая давно,
Песенка для пассажиров,
Выглянувших в окно.

Диктор какой-то нудный
Рядом с тобой живет:
Еже-почти-минутно
Режет тебя и рвет.

Все же в транзитном зале
Слушают не дыша.
Музыка на вокзале!
Значит, ты — хороша.

Значит, гудки не мешают
Песне греметь с утра.
Музыка, ты — большая.
Музыка, ты — добра.

Не уставай, работай!
Век тебя слушать готов:
Словно море у борта,
Музыка вдоль поездов.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Прекрасные, как цветы, грибы,
Тяжелые, как грибы, цветы,
Затерянные в березняке столбы,
Стыдятся своей нагой простоты.

На что походит осенний лес?
Больше всего на тихий пожар.
Молча лижут чашку небес
Пламени желтые языки,
И падает в пламя солнечный шар —
Капля дождя — в пойму реки.

Так шаль цыганская не пестра,
Как лес, еще зеленый на треть.
У каждого дерева, как у костра,
Можно не ноги, а душу греть.

А теплота, а красота
Каждого маленького куста?

А мягкость бурой лесной земли,
А бескорыстные птиц лесных?
Поют, как будто их завели,
И хочется долго глядеть на них
И не копировать, не подражать —
Просто песню ту продолжать.

ОДНОФАМИЛЕЦ

В рабочем городке Солнечногорске,
В полсотне километров от Москвы,
Я подобрал сырого праха горстку,
Руками выбрал из густой травы.

А той травой могила поросла.
А та могила называлась братской.
Их много на шоссе на Ленинградском
И на других шоссе их — без числа.

Среди фамилий, врезанных в гранит,
Я отыскал свое простое имя.
Все буквы — семь, что памятник хранит,
Предстали пред глазами пред моими.

Все буквы — семь — сходились у нас
И в метриках и в паспорте сходились.
И если б я лежал в земле сейчас,
Все те же семь и надо мной светились.

Но пули пели мимо — не попали,
Но бомбы облетали стороной,
Но без вести товарищи пропали,
А я вернулся. Целый и живой.

Я в жизни ни о чем таком не думал.
Я перед всеми прав, не виноват.
Но вот шоссе, и под плитой угрюмой
Лежит с моей фамилией солдат.

В МЕТРО

1

Вагон метро в июле,
В седьмом часу утра.
Две девушки уснули,
А им вставать пора.

Бужу их: «Вам не к спеху?
Поедете назад?»
И с легким полусмехом
Они благодарят.

Кривятся губы — алые
От юности и краски.
Две девушки усталые
Трут кулачками глазки —
Глубокие, красивые,
Лукавые, лисичьи,
Голубо-серо-синие
Большущие глазищи.

И вдруг встают и вскакивают
И плечи расправляют.
Усталость словно смахивают,
Ничуть не оставляют.

Ни самой малой малости,
Ни чуточки, ни капельки
Не видно от усталости:
— Бежим скорее, Катенька!

Их утро словно выпрямило,
Все их ошибки выправило,
Надежды утвердило
И, как стрелу, пустило.

2

На площади Маяковского
(Я говорю про метро)
Проходит девушка с косками,
Уложенными хитро.

Над косами встала радуга,
Пестрая радуга лент,
Глядит на нее — и радуется
Идущий рядом студент.

И отражают колонны
(Одна за другой — весь лес)

Студенческий взгляд влюбленный
Девичьих косичек блеск.

Мне все это очень нравится,
И вот я
 собрался и стих:
Студент и его красавица
Торжественно входят в стих.

* * *

Отмахивая кулаками,
Отстукивая каблуками,
Солдаты бежали в гору.

Все было пригнуто в пору:
Руки, ноги — к скалам,
Небо — к синим и карим,
К черным
глазам
серьезным,
Теплым, острым и грозным.
Все, от лопаток до скаток,
Было — полный порядок!
«Служба!» — точное слово
В душу вошло мне снова.

Я ничего не припомнил.
Просто меня переполнил
Спорый ритм перебежки.

И без всякой усмешки
Я рванулся за ними,
Так что раны занули,
Отмахивая кулаками,
Отстукивая каблуками.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Перед войной я написал подвал
Про книжицу поэта-ленинградца
И доказал, что если разобратся,
Певец довольно скучно напевал.

Я сдал статью и позабыл об этом, —
За новую статью был взяться рад.
Но через день бомбили Ленинград,
И автор книжки сделался поэтом.

Все то, что он в балладах обещал,
Чему в стихах своих трескучих клялся,
Он выполнил — боролся и сражался
И смертью храбрых (как предвидел) пал.

Как хорошо, что был редактор зол
И мой подвал крестами переметил,
И что товарищ павший
перед смертью
Его, скрипя зубами, не прочел!

ГОЛУБИ

Худой старик в просторном кителе
Метнул две пригоршни пшена,
И мы услышали, увидели —
Вся площадь до краев полна
И воркованием, и шорохом.
И блеском,
неба голубей.

Завалена вся площадь ворохом
Райисполкомских голубей.

Большие, тучные, красивые
Взлетают с шелестом страниц.
Я уважаю их как символы
И обожаю их как птиц.

Миг —
и раскуплены все бублики,
В момент расхватаны с лотка.

И крошит в крошки булки
публика,
И три
трамвай
дает звонка.

А ежели проходит школьница —
Она им завтрак отдает:
Пускай отведают, покормятся!

И площадь вновь крылами бьет.

* * *

Столько черствого хлеба мы ели,
Столько жидкого чаю мы пили,
Что иным бы давно надоели
Корки те, что нам зубы тупили.

Но доньне супец нелепый
Я, как пищу богов, хлебаю.
И с упавшей горбушки хлеба
Осторожно соринку снимаю.

Нет доньне обиды хуже,
Если кто-нибудь скажет плохо
Про чернявую кашу на ужин,
Про корявую хлебную кроху.

Пусть же в углях картошка корчится!
Хлебу черному

слава и честь!

Мы уже едим, сколько хочется,
Скоро будем как хочется есть!

* * *

То слышится крик:
 — Не надо, долой!
То слышится крик:
 — Даешь, ура!
Это, придя с уроков домой,
Вершит свои дела детвора.

Она осуждает
 своих дураков.
Она выбирает
 своих вожаков.
Решает
 без помощи кулаков,
Каков их двор и мир каков.

Пускай прирастают к свободе с утра
Дети большого двора!

Пускай они кричат, что хотят!
Они сумеют во всем разобраться.
Потому что товарищество
и братство
Взяли за руки наших ребят.

СВЕРСТНИКАМ

Широкоплечие интеллигенты —
Производственники, фронтовики,
Резкие, словно у плотников, жесты,
Каменное пожатье руки.

Смертью смерть многократно поправшие,
Лично пахавшие столько целин,
Лично, непосредственно бравшие
Столицу Германии — город Берлин.

Тяжелорукие, но легконогие,
Книжки перечитавшие — многие,
Бревна таскавшие — без числа,
В бой, на врага поднимавшие роту —
Вас ожидают большие дела!
Крепко надеюсь на вашу породу.

ШКОЛА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Я по утрам тогда учился сам,
А вечером преподавал историю
Для тех ее вершителей, которые
Историю вершили по утрам:

Для токарей, для слесарей, для плотников,
Встававших в полшестого до гудка,
Для государства нашего работников,
Для деятелей стройки и станка.

Я был и тощ и невысок, а взрослые —
Как на подбор — и крупные и рослые,
А все-таки они день ото дня
Все терпеливей слушали меня.

Работавшие день-деньской, усталые,
Они мне говорили иногда:
— Мы пожилые. Мы еще не старые.
Еще учиться не ушли года.
Работавшие день-деньской до вечера,
Карандашей запасец очиня,

Они упорно, сумрачно, и вежливо,
И терпеливо слушали меня.

Я факты объяснял,

 а точку зрения
Они, случилось, объясняли мне.
И столько ненависти и презрения
В ней было

 к барам,

 к Гитлеру,

 к войне.

Локтями опершись о подоконники,
Внимали мне,

 морщина глыбы лбов,
Чапаева и Разина поклонники,
Сторонники

 голодных и рабов.

А я гордился честным их усердием.
И сам я был

 внимателен, как мог.

И радостно,

 с открытым настезь сердцем
Шагал из института на урок.

ГУДКИ

Я рос в тени завода
И по гудку, как весь район, вставал
Не на работу.

Я был слишком мал —
В те годы было мне четыре года.
Но справа, слева, спереди — кругом
Ходил гудок. Он прорывался в дом,
Отца будя и маму поднимая.

А я вставал
И шел искать гудок, но за домами
Не находил.
Ведь я был слишком мал.

С тех пор и до сих пор и навсегда
Вошло в меня: к подъему ли, к обеду
Гудят гудки — порядок, не беда.
Гудок не вовремя приносит беды.

Не вовремя в тот день гудел гудок
Пронзительней обычного и резче,

И в первый раз какой-то странный, вещий .
Мне на́ сердце повеял холодок.

В дверь постучали, и сосед вошел,
И так сказал — я помню все до слова:
«Ведь Ленин помер».

И присел за стол.

И не прибавил ничего другого.
Отец вставал, садился, вновь вставал,
Мать плакала, склонясь над малышами,
А я был мал
И, что случилось с нами,
Не понимал.

ПОЕЗДА

Скорые поезда, курьерские поезда.
Огненный глаз паровоза —
Падающая звезда,
Задержанная в падении,
Летящая мимо перронов,
И многих гудков гудение,
И мерный грохот вагонов.

На берегу дороги,
У самого синего рельса,
Зябко поджавши ноги,
Мальчик сидел и грелся.
Черным дымом грелся,
Белым паром мылся.
Мылся белым паром,
Стремился стать кочегаром.
Как это было недавно!
Как это все известно!

Словно в район недалёкий,
Словно на поезде местном,

Еду я в эти годы —
Годы пара и дыма,
И паровозов гордых
С бригадами молодыми
В белых и черных сорочках
(Белых и черных вместе).
Еду на этих строчках,
Как на подножках ездил.

МУЗЫКА НАД БАЗАРОМ

Я вырос на большом базаре,
в Харькове,
Где только урны
чистыми стояли,
Поскольку люди торопливо харкали
И никогда до урн не доставали.

Я вырос на заплеванном, залузганном,
Замызганном,
Заклятом ворожбой,
Неистовою руганью
заруганном,
Забоженном
истовой божбой.

Лотошники, палаточники
пили
И ели,
животов не пощадя.

А тут же рядом деловито били
Мальчишку-вора,
в люди выводя.

Здесь в люди выводили только так.
И мальчик под ударами кружился,
И веский катерининский пятак
На каждый глаз убитого ложился.

Но время шло — скорее с каждым днем,
И вот —
превыше каланчи пожарной,
Среди позорной погани базарной,
Воздвигся столб
и музыка на нем.

Те речи, что гремели со столба,
И песню —
ту, что со столба звучала,
Торги замедлив,
слушала толпа
Внимательно,
как будто изучала.

И сердце билось весело и сладко.
Что музыке буржуи — нипочем!
И даже физкультурная зарядка
Лотошников
хлестала, как бичом.

Те трамваи, в которых за пару монеток
Можно много поездить по белому свету.

Подо мною мороженщик с тачкою белой.
До отказа набитою сладкой зимою.

Я спускаюсь к нему,
Подхожу, оробелый.

Я прошу посчитать эту вафлю за мною.

Если даст, если выдаст он вафлю —

я буду

Перетаскивать лед для него хоть по пуду.

Если он не поверит,
Решит, что нечестен, —
Целый час я, наверное,
Буду несчастен.

Целый час быть несчастным —

Ведь это не шутки.

В часе столько минуток,

А в каждой минутке

Еще больше секунд.

И любую секунду

В этом часе, наверно,

Несчастливым я буду!

Но снимается с тачки блестящая крышка,

И я слышу: «Бери!

Ты хороший мальчишка!»

МЕДНЫЕ ДЕНЬГИ

Я на медные деньги учился стихам,
На тяжелую гулкую медь.
И набат этой меди с тех пор не стихал,
До сих пор продолжает греметь.
Мать, бывало, на булку дает мне пятак,
А позднее — и два пятака.
Я терпел до обеда и завтракал — *так*,
Покупая книжонки с лотка.
Сахар вырос в цене или хлеб дорожал —
Дешевизною Пушкин зато поражал.
Полки в булочных часто бывали пусты,
А в читальнях ломились они
От стиха, от безмерной его красоты.
Я в читальнях просиживал дни.
Весь квартал наш
 меня сумасшедшим считал,
Потому что стихи на ходу я творил,
А потом на ходу с выраженьем читал,
А потом сам себе «Хорошо!» говорил.

Да, какую б тогда я ни плел чепуху,
Красота, словно в коконе, пряталась в ней.
Я на медную мелочь

 учился стиху —
На большие бумажки
 учиться трудней.

Бейтесь, бейтесь, снежинки, оземь,
Засыпайте грязную осень
Чистой, новой, белой зимой.
...Выйду из дома в семь или восемь —
До темна не вернусь домой.

Тушат свет и выключают звуки.
Вся столица в сон погружена.
А ко мне протягивают руки
Сестры — Темнота и Тишина.

Спят мои товарищи по комнате,
Подложив под голову конспект —
Чтобы то, что за день не запомнили,
За ночь все же выучить успеть.

Я прижался лбом к холодной раме,
Я застыл надолго у окна:
Никого и ничего меж нами,
Сестры — Темнота и Тишина.

До Луны — и то прямая линия, —
Не сворачивая, долечу!
Сестры, Тихая и Темно-синяя,
Я стихи писать хочу!

Темнота покуда мне нужна еще:
На свету мне стыдно сочинять!
Сестры! Я студент, я начинающий,
Очень трудно рифмы подбирать.

...Вглядываюсь в темень терпеливо
И, пока глаза не заболят,
Жду концов — хороших и счастливых
Для недавно начатых баллад.

ТОПОЛЯ

Я в Харькове опять. Среди аллей
Солидно шелестящих тополей —
Для тени, красоты и наслаждений
Посаженных народом насаждений.
Нам двадцать с лишним лет тому назад
Обещано: здесь будет город-сад.
И достоверней удостоверений
Тополя над Харьковом шумят.

Да, тополь был необходимым признан —
Народом постановлено моим,
Что коммунизм не станет коммунизмом
Без тополиных шелестов над ним.
И слабыми, неловкими руками
Мы, школьники, окапывали ямы
Для слабеньких и худеньких ростков.

Их столько зорких стерегло врагов!
Их бури гнули. Суховеи жгли.
Под корень оккупанты вырубали.

Известно достоверно, что дровами,
Наверно, тыщи тополей пошли.

Но как на место павшего солдат
Становится, минуты не теряет, —
Так новые посадки шелестят
И словно старый шелест повторяют.

Все правильно, дела идут на лад!
И в Харькове, Москве, по всей России
Те слабые ростки, что мы растили,
Большими тополями шелестят.

ОБ АВТОРЕ

Борис Абрамович Слуцкий родился в 1919 году в Донбассе. Воспитанник Литературного института имени А. М. Горького (окончил его в 1941 году). Участник Отечественной войны: разведчик, политработник. На фронте был принят в партию. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной звезды, болгарским орденом «За храбрость».

Писать начал сравнительно поздно, лет с семнадцати-восемнадцати. Впервые напечатался в 1941 году в журнале «Октябрь» (№ 5, стихотворение «Маяковский на трибуне»). В войну и после войны примерно семь-восемь лет писал мало и совсем не печатался.

Вновь начал печататься с 1953 года, опубликовал несколько циклов стихов в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», печатался в «Литературной газете», «Комсомольской правде», альманахе «Литературная Москва», журнале «Пионер». В 1957 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга стихов Б. Слуцкого «Память».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Западный фронт

Проездом на фронт	3
«Ко мне на койку сел сержант-казах...»	5
Хлеб	7
Декабрь 41-го года	10
Военный рассвет	12
Сон	14
Кельнская яма	16
Лошади в океане	19
Казнь	21
Говфрит комиссар полка	23
«Я говорил от имени России...»	25

Тысяча девятьсот сорок пятый

Итальянец	27
О погоде	31
Шапка	34
«Таким я видел Будапешт: весна...»	36
Когда мы пришли в Европу	38
Крылья	42
Из плена	44
Книга отзывов	46

Раннее утро	48
Памятник	51

После войны

«Толпа на Театральной площади...»	54
Засуха	56
Дома!	59
Без четверти девять утра	61
Память	63
Глухой	65
Мальчишки	67
Рабочая песня	69
«Я не любил стола и лампы...»	71
В доме отдыха пищевиков	73
«Вот вам село обыкновенное...»	75
На чемпионате парашютистов	77
Баня	78
«Когда убили Белоянниса...»	81
Счастье	83
У моря	85
«Музыка на вокзале...»	87
Осенний лес	89
Однофамилец	91
В метро	93
«Отмахивая кулаками...»	96
Памяти товарища	98
Голуби	99
«Столько черствого хлеба мы ели...»	101
«То слышится крик...»	102
Сверстникам	104
Школа для взрослых	105

Давным-давно

Гудки	107
Поезда	109

Музыка над базаром	111
Летом	113
Медные деньги	115
Первый снег	117
«Тушат свет и выключают звуки...» .	119
Тополя	121
Об авторе	123

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания автору и издательству.

Укажите ваш адрес, профессию и возраст.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская ул., 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Слуцкий Борис Абрамович

ВРЕМЯ

Стихи

Редактор *Вл. Сякин*

Художник *П. Зубченко*

Худож. редактор *В. Бродский*

Техн. редактор *Л. Волкова*

*

Л11218 Подп. к печати 31/III 1968 г.

Бумага $60 \times 92\frac{1}{32} = 2$ бум. л. = 4 печ. л.

Уч.-изд. л. 3,1 Тираж 5 000 экз. Заказ 820

Цена 3 р. 05 к.

*

Типография „Красное знамя“

изд-ва „Молодая гвардия“.

Москва, А-55, Сущевская, 21.

